

МАРИЯ ВИКТОРОВНА МИХАЙЛОВА

(Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, *Москва*)

**ANNO DOMINI 1898 – ЮБИЛЕЙ МИЦКЕВИЧА В РОССИИ
(печать, критика, литературоведение)**

24 декабря 1998 года исполнилось 200 лет со дня рождения Адама Мицкевича. Эта дата позволяет вернуться на сто лет назад и посмотреть, как складывалась ситуация в общественной жизни России того времени, какие обстоятельства сопутствовали празднованию 100-летнего юбилея польского поэта и с каким его образом сталкивался в том „предпушкинском” юбилейном году читатель российской печати. Этот материал может оказаться особо интересным не только потому, что юбилей, как правило, канонизирует едва ли не до “формульности” имидж своего юбиляра, но и потому, что в России празднование юбилеев всегда сопровождалось дополнительными культурными или идеологическими функциями. В частности, литературный юбилей, – это повод обнажить противоречия общественного сознания или высказаться на тему нерешенных проблем искусства. А этот юбилей Мицкевича имел и еще одну характерную особенность: он явился генеральной репетицией грядущего празднования в 1899 году 100-летия со дня рождения Александра Пушкина. Кстати, на естественно возникающую параллель обратил внимание Н. М. Соколов (см. Соколов 1898), который именно в ней увидел ключ к пониманию сущности того и другого поэта.

Подготовка к празднованию началась едва ли не с лета 1898 года. Всего было опубликовано более 120 откликов, часть которых касалась непосредственно юбилея, в других же освещался творческий путь поэта или его основные вехи. Были проведены официальные мероприятия, состоялся вечер памяти в Обществе любителей российской словесности в Москве, на котором профессор Московского университета Р. О. Торанд прочел лекцию *Основные мотивы поэзии Адама Мицкевича*, Союз писателей в Петербурге и Общество пособия нуждающимся литераторам и ученым устроил и обед, прошедший в ресторане. На него были приглашены П. Д. Боборыкин, П. И. Вейнберг, Н. К. Михайловский, В. Д. Спасович, предполагалось выступление с чтением своих произведений писателей В. Г. Короленко и М. В. Крестовской. Он вылился в грандиозный праздник: речи произнесли, среди прочих, С. А. Андреевский и Вл. Соловьев, в Париж была послана телеграмма сыну поэта, были получены приветствия от Э. Ожешко, Б. Пруса и Г. Сенкевича. А на чествовании Мицкевича в Санкт-Петербургском музыкальном кружке

[...] особенно эффектен, как писали газеты, был апофеоз, когда мимо красовавшегося на сцене бюста поэта проходили наиболее известные типы из его произведений и символически отдавали ему честь, складывая лавровые венки у подножия своего великого творца. (*Внутренние* 1898:4)

Но под внешней благопристойностью и парадностью проводимых мероприятий бушевали страсти, о которых дает яркое представление отрывок из одного письма. Как отмечает его автор, известная общественная деятельница А. М. Калмыкова, уже упоминавшийся

[...] обед (более 100 чел.), – по первым речам обещал быть сентиментально-лицемерным, скучным и плоским. Но в половине его речь Мякотина¹ прорвала плотину. Он говорил сильно о невозможности в настоящее время искреннего единения, когда обе стороны лишены всяких способов, принятых в культурной жизни для выражения мыслей и чувств и когда одна из главных русских газет избрала главной темой своих руководящих статей травлю национальностей, входящих в состав государства. Кончил мелодией на народническую тему о сермягах и единении их с интеллигенцией, которая создает для них лучшее будущее. На этой почве произойдет искреннее единение между двумя национальностями. [...]

В “Новом Времени”, – обращается далее Калмыкова к своему адресату,

- Вы прочтете о практической речи Жуковского (поляк, инженер или адвокат). Это было ловкое циничное уверение, что единение произойдет на почве экономических интересов (с самой буржуазной точки зрения). [...]

Сама Калмыкова произнесла речь, в которой упрекнула В.Д.Спасовича и других, чья

[...] характеристика была так неполна, что можно было бы Мицкевича причислить к группе поэтов, предводительствуемых Гете. Я напомнила о Данте и о второй половине жизни и деятельности Мицкевича. [...]

Она также напомнила В.В.Жуковскому о том,

[...] что единение на этой почве произойдет только при служении высшей задаче, поставленной жизнью культурной всего мира [...]².

Что же следует из приведенной выдержки? То, что юбилей Мицкевича в России, безусловно, должен был иметь и имел политический оттенок и что русское общество разделилось на тех, кто хотел видеть в его лице поэта-олимпийца, и тех, кто акцентировал неоднозначный итог его творческого и жизненного пути, кто видел, как в этой личности самым противоречивым образом соединились политические и религиозные моменты. Этот вывод подтверждает заметка (см. *Столетие* 1898: 1), в которой было заявлено, что даже

[...] общая характеристика [...] выдающегося польского поэта-мыслителя имеет то или другое влияние на ход политических событий.

Именно поэтому речь Вл. Соловьева, которая выходила за рамки злободневности и предлагала совсем иную точку отсчета для определения значительности польского поэта (это было, возможно, одно из самых ярких явлений юбилейного года) — не привлекла должного внимания общественности (что подтверждается, кстати, и процитированным выше письмом, в котором нет о ней ни слова, хотя его автор и прослушала ее)³.

Действительно, почти все отклики на юбилей довольно четко делятся по “политическому”